

УДК 21.12.2015

ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ КОННОТАТИВНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Романюк С.Г., старший преподаватель
кафедры теории и практики перевода
Мариупольский государственный университет

Тарапатов М.М., старший преподаватель
кафедры теории и практики перевода
Мариупольский государственный университет

В статье рассмотрены особенности передачи фразеологизмов в украинском и английском художественном дискурсе, определены общие приёмы для адекватной репрезентации их образной структуры.

Ключевые слова: фразеологизмы, художественный перевод, коннотативный аспект, денотативный аспект, образная структура.

У статті окреслено особливості відтворення фразеологізмів в українському та англійському художньому дискурсі, визначено основні прийоми для адекватної репрезентативності їх образної структури.

Ключові слова: фразеологізми, художній переклад, конотативний аспект, денотативний аспект, образна структура.

Romaniuk S.G., Tarapatov M.M. SEARCH OF OPTIMAL CONNOTATIVE EQUIVALENCY IN TRANSLATING PHRASEOLOGICAL UNITS

The article highlights peculiarities in translating phraseological units in Ukrainian and English artistic discourse as well as defines general principles of representing their imaginative structure.

Key words: phraseological units, artistic translation, connotative aspect, denotative aspect, imaginative structure.

Постановка проблемы. Нынешняя открытость переводоведения, сформировавшаяся в результате методологических преобразований в вышеуказанной отрасли научных знаний, поставила перед исследователями ряд категориальных проблем, связанных с усвоением определенного объема культурологических знаний, необходимостью задействования в интерпретационной практике разнообразных художественных произведений и взаимодействием разных культурных дискурсов. Ввиду того, что именно литература является олицетворением духа того или иного этноса, отпечатком его исторического и духовного развития, актуальным становится вопрос разработки таких подходов к переводу, которые будут способствовать точному и эквивалентному отображению содержания и донесению его своеобразия до реципиента, являющегося носителем иноязычной культуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретико-методологическую базу описанной в статье проблематики составляют работы целой плеяды исследователей (О. Кунин, В. Коптилов, Р. Зоривчак, В. Карабан, А. Коваленко, В. Белоноженко, В. Вакуров, Т. Гусейнова, М. Джаграева, В. Телия, М. Шанский, А. Дармаева, Б. Ларин,

В. Мокиенко, И. Чернышова, Р. Яранцев, В. Тархов, А. Науменко, Я. Рецкер, С. Влахов, С. Флорин, А. Супрун, Л. Щербачук, Н. Ковалёва, Ж. Кулиш, Р. Гиббс, Дж. Рей, В. Швайгерт, Б. Фрейзер и др.), в которых показана методологическая парадигма, раскрывающаяся в пределах плюрализма методологий и позволяющая решать ряд переводческих задач терминологического и понятийного плана. Речь прежде всего идет об аргументациях, связанных с особенностями перевода фразеологизмов с украинского на английский, о попытке разработать такую переводческую модель, которая бы дала возможность спроектировать её в плоскость исследования эквивалентности на всех уровнях. Каждый из таких подходов, несомненно, имеет право на существование на паритетных условиях в современном исследовательском интерпретационном пространстве.

Постановка задания. Причиной возникновения потребности в новой методологии является необходимость в конгломерации и конвергенции подходов к решению переводческих задач. В связи с этим наиболее актуальными являются проблемы обеспечения «гармоничности» перевода фразеологических единиц и поиск наиболее оптимальных

способов достижения его коннотативной эквивалентности, свойственной художественному тексту. Вышеперечисленное обуславливает актуальность настоящего исследования и его основную цель: найти параметры перевода фразеологических единиц и определить их через систему новых аргументаций оптимальных переводческих подходов.

Изложение основного материала. Методологическая проблема, аккумулятивная в художественном переводе, раскрывается в ситуации, которую можно сформулировать как приобретение нового опыта, который трансформирует «проблему истины в сфере конкуренций теории» [4, с. 8], свидетельствуя о возможности наработки методологического инструментария, необходимого для поиска новых практик художественных интерпретаций как реакции на существующие традиционные подходы. Такая ситуация расширяет горизонты художественного перевода, когда на смену теории буквального перевода приходит такая, за которой уже закреплен статус культурологической теории, а приоритетная роль отводится не столько теоретизированию, сколько разнообразным практикам интерпретации, в которых принимает участие литературный текст, и в результате осуществляется его «реконструкция» [1, с. 454]. Прежде всего, это связано с глубоким знанием иноязычной культуры переводчиком, что предусматривает не только владение определенным объемом культурологических знаний, но и наличие способности к пониманию и адекватному восприятию конкретной культуры, что, несомненно, способствует решению многих проблем межкультурной коммуникации.

Задействование фразеологического потенциала того или иного языка является одним из основных источников его обогащения. Поэтому его адекватная репрезентация в переводе не только свидетельствует о высоком художественном качестве текста, но и логично вписывает его в общий контекст мировой письменности. По мнению В. Коптилова, художественный перевод осуществляет интернационализацию достижений литератур народов мира. Вместе с тем он обогащает каждую национальную культуру, внося в нее мысли и образы великих писателей всех народов [5, с. 37]. Именно через переводы читатель имеет возможность ознакомиться с высочайшими достижениями мировой литературы, ощутить «дух» первоисточника и своеобразность его языковой палитры, отображаемой с помощью выразительных средств,

в списке которых имеются фразеологизмы, поговорки, устойчивые выражения и т. п. Поэтому их эквивалентное воспроизведение в языке перевода зависит от способности переводчика найти правильный переводческий инструментарий, который позволил бы говорить о сохранении и трансляции культурных кодов, мог выявлять, декодировать и комментировать художественную ценность первоисточника в целом, а также вложенную в него культурную информацию.

В процессе художественного перевода налаживается «диалог автопортретов» автора и переводчика [9, с. 2], когда индивидуальность последнего сопоставляется с «творческой линзой», пройдя через которую и неминуемо переломившись, произведение искусства слова появляется в новом обличье [10, с. 219]. Это означает, что талантливый переводчик направляет свою творческую индивидуальность на то, чтобы как можно глубже понять заложенные автором произведения-оригинала интенции и средствами языка перевода обеспечить их наиболее полное воплощение.

Задействование фразеологизмов как номинативных характеризующих единиц свидетельствует о том, что именно их внутренняя форма является главным компонентом эмоционально-оценочного значения, в основе которого лежит его ассоциативно-образное переосмысление. Это дает основание утверждать, что глубокие ассоциативные мотивы, которые определяют природу и функционирование фразем, раскрывают сущность их внутренней формы, выступая своего рода «синтезатором» заложенных в них смыслов, порождая сложный механизм движения мысли от абстрактных понятий (которые, в свою очередь, являются отображением реальных ситуаций) до их образной репрезентации в языковом знаке. В художественном переводе эти процессы значительно усложняются, поскольку они акцентируют внимание на необходимости учета того, что кроме «первичной номинации» (в оригинале) существует также «вторичная» (в переводе), задачей которой является эквивалентное и гармоничное воспроизведение первой. Также стоит отметить, что в отличие от текстов, которые носят сугубо информативный характер (функционально-стилистический перевод), главным критерием эквивалентности которых является адекватное воспроизведение первичной номинации, при переводе литературного произведения приоритетом

является художественное, т. е. коннотативное содержание. Поэтому здесь становится актуальной авторская специфика видения и отображения окружающей действительности. С нашей точки зрения, по тому же принципу должна строиться и художественно ориентированная концепция, в которой нужно учитывать то обстоятельство, что коннотативно ориентированный перевод побуждает переводчика к познанию и глубокому осмыслению именно художественного объекта, который невозможно очертить в рамках одних только терминов, поскольку этот объект создает модель определенной реальности и служит инструментом её адекватного восприятия. Поэтому ключевым становится тезис о том, что возможным способом воспроизведения художественной авторской концепции оригинала является её творческая трансформация во время перевода, которая преодолевает преграды и позволяет творчески маневрировать в рамках концепции первоисточника [10, с. 314].

В контексте наработки переводческого инструментария, необходимого для эквивалентной передачи фразеологического потенциала текста оригинала, несомненно, возникает ряд проблем. При этом «технология» анализа фразеологических единиц не только не должна подменять собой анализ литературоведческий, но и должна разнообразить последний с помощью всех существующих языковых средств, т. е. семантика фразеологических лексем создает почву для обновления текстовых модификаций, которые в лингвистике квалифицируются как последствия переводческих трансформаций. Образный «ключ» к такому поиску можно выразить высказыванием Е. Павленко: «Для того чтобы понять качество перевода, соотносённость его с оригиналом, необходимо не только фиксировать и выяснять причины взаимных сплетений и отклонений, но и понять функции переводческих версий в литературных связях определенного периода. Только всесторонний анализ общественных, эстетических и переводческих моментов рецепции даёт возможность это осуществить» [8, с. 298].

Не отрицая художественной значимости лексического уровня произведения, мы должны учитывать общеизвестный тезис о том, что слово, которое отображает имеющиеся в тексте художественные мысли, является органической формой существования художественного образа. Поэтому общий процесс выявления ассоциативных связей

между вербальными знаками отображает когнитивную структуру человеческого сознания.

При этом следует отметить, что прочтение текста включает в себя как аспекты понимания значения слова в конкретном контексте, так и вызванные тем или иным словом ассоциации читателя, поскольку в другом тексте, прочитанном реципиентом иной культуры когда-то раньше, это слово имело иное значение. При воспроизведении текста на языке перевода проблема в некоторой мере усложняется, ведь кроме того, что переводчик обновляет оригинал через призму собственного восприятия, он еще и вписывает его в иноязычный дискурс, где у читателя другая психология, культура, мировоззренческая ориентация и т. д. Задача переводчика – приблизить произведение к восприятию иноязычным читателем, сохранив форму, содержание, образность и художественную ценность оригинала.

Соотношение статуса текста перевода с контекстом той или иной эпохи (что, как мы видим, является делом не только чисто текстуральной интерпретации) распространяется на другие его функции, разворачивая, таким образом, текст перевода в «сторону отображения потребностей» (В. Изер), которые должны стать предметом рассмотрения. В нашем случае таким предметом является выделение национально-культурного компонента в составе фразеологизмов, которые определяются тремя аспектами, а именно: 1) нерасчленёнными (с идиоматическими значениями); 2) расчленёнными (с лексическим содержанием); 3) своими прототипами (генетически свободные словосочетания, которые описывают обычаи, традиции, особенности быта и культуры) [11, с. 24].

Конечно, такая умозрительная схема не дает представления о поиске конкретных кодов интерпретаций, однако она наталкивает на понимание того, что адекватное воспроизведение фразеологизмов в переводе придаёт последнему не только экспрессивное значение (коннотативный аспект фразеологической семантики с чётко выраженным оценочно-эмоциональным отношением говорящего к текстовой ситуации), но и существенно подчёркивает его информативное значение (денотативный аспект фразеологической единицы, содержащий детальную информацию об описываемом в тексте фрагменте).

Всё это позволяет утверждать, что большинство фразеологизмов представляют собой образные сочетания, свойственные стилю художественной прозы, которые содержат

целый комплекс экспрессивно-стилистических оттенков, определённым образом влияющих на способы перевода фразеологизмов. Последние, как известно, зависят от функций, которые они выполняют в контексте. Исходя из того, что большинству фразеологизмов свойственна номинативная функция, целью которой является заполнение брешей в лексической системе того или иного языка, наилучшим приёмом перевода является использование соответствующего фразеологизма с акцентуацией не только на передаче содержания, но и на полноценном воспроизведении его образности. Именно таким должен быть перевод образных фразеологизмов на английский или на русский язык с помощью полных или относительных эквивалентов.

«Никогда, господа, человек не ощущает такой близости к другим, любимым и родным людям, как в так называемой «пограничной ситуации» – на грани жизни и смерти» [3, с. 45]. “Never does a person experience such a closeness to the people near and dear to him as in the so called “border situation”, when he is on the brink of death” [14, с. 41].

«Камнем ложатся на нашу душу несказанные слова и недоделанные дела» [3, с. 92]. “Unsaid words and unfinished actions fall like boulders on one’s conscience” [14, с. 82].

«И я лежу в одном ряду со всеми, слегка повернув голову, глазами, выворачивающимися из орбит, смотрю» [3, с. 111]. “And I was lying in one row with them, my head slightly turned, and looking, my eyes turning out of their sockets” [14, с. 97].

«Как в сказке: первая стрела – недолёт, вторая – перелёт, а третья – в самое сердце» [3, с. 116]. “Just like in a fairy-tale: the first arrow falls short, the second overshoots its target, and the third goes straight into the heart” [14, с. 101].

“<...> but to Aunt Ann they seem all Forsytes – and certainly there was not much difference – she saw only her own **flesh and blood**” [13, с. 20]. «Но тётушке Анне все они казались Форсайтами, да и разница между ними и Форсайтами, естественно, была не очень большая – она видела только собственную **плоть и кровь**» [2, с. 34].

Однако следует отметить, что такой способ перевода фразеологических единиц не является распространённым, поскольку процент образных фразеологизмов, являющихся релевантными их содержанию и образности в английском и русском языках, достаточно невелик. В связи с этим переводчик вынужден

использовать вариативное соответствие, которое должно отображать самобытность и тонкое глубокое содержание заложенных в оригинале сообщений таким образом, чтобы перевод, предназначенный для англоязычного реципиента, оказал на него такое же влияние, как и оригинал – на русскоязычного реципиента. Это требует от переводчика соответствующей прагматической адаптации исходного текста, т. е. внесения определённых поправок, исходя из социально-культурных, психологических и других отличий между оригиналом и переводом с помощью приёма конкретизации и расширения содержания, смешанной лексико-семантической и синтактико-морфологической трансформации, что можно проиллюстрировать следующими примерами.

“However, that small amount of George’s property which his mother got hold of she kept, **in defiance of all the King’s horses and writs**” [12, с. 37]. «Однако ту небольшую часть вещей Джорджа, которой завладела его мать, она уже не выпускала из рук, **несмотря ни на что и ни на кого**» [7, с. 31].

“<...> as he was meditating on that blessed martyr, Father Parsons, and that other more blessed martyr, **Father Garnet of Gunpowder fame**” [12, с. 32]. «<...> задумавшись о блаженном мученике, отце Парсонсе, и об ещё более блаженном мученике, отце Гернете, **герое Порохового сговора**» [7, с. 26].

“The aristocracy still pretty flip, **keeping its tail up**” [12, с. 53]. «Аристократия ещё бодрится, **не хлюпает носом**» [7, с. 45].

Среди других примеров перевода фразеологических единиц выделяем те, в которых значение фразеологизмов репрезентируется дескриптивно, без сохранения эмоционального сообщения.

“I don’t care a fig for his opinion” [12, с. 24]. «А мне на его мнение **плевать**» [7, с. 38].

“The working class beginning to heave restively, but still **Moody and Sankeyish**” [12, с. 43]. «Рабочий класс начинает постепенно шевелиться, но он **ещё заворожён проповедями Муди и Санки**» [7, с. 44].

“He would never have done anything so positive and energetic if he had not been **nagged and goaded into it by his wife**” [12, с. 28]. «Он никогда бы не взялся за дело, которое требовало бы такой деловитости и энергии, если бы его **не грызла жена**» [7, с. 22].

Тут, как видим, речь идет об «абсолютизации» переводчиком отдельных лексико-стилистических случайностей, имеющих в тексте оригинала.

Выводы из проведенного исследования.

Определение оптимального переводческого инструментария, необходимого для перевода фразеологических единиц с английского языка на русский, зависит от учёта переводчиком разноаспектных факторов, синтезирующих множество наработанных методологических подходов к их интерпретации. Несмотря на существующее разнообразие приёмов и методов перевода фразеологизмов, определяющим является художественное отображение их образной структуры в целях создания качественно нового, объёмного представления об исследуемом предмете, когда проблема осознаётся и решается с учётом целостности переводческого опыта. Перспективой дальнейших поисков в этом научном направлении считаем детальное исследование коннотативной эквивалентности фразеологических единиц в русско-английском художественном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бужинська А. Культурологічний поворот теорії / А. Бужинська // Теорія літератури в Польщі : антологія текстів : друга половина XX – початок XXI століття. – К. : ВД «КМ Академія». – 2008. – С.42–467.
2. Голсуорсі Дж. Сага про Форсайтів / Дж. Голсуорсі / Переклад О.Тереха. – К. : Дніпро. –1998. – 847с.
3. Коверский А. Теория и её обоснование / А. Коверский. – К. : Центр практичної філософії. – 2000. – 180 с.
4. Коптілов В. Теорія і практика перекладу / В. Коптілов. – К. : Вища школа. –1982. – 165 с.
5. Науменко А. Концепція оригіналу і переклад / А. Науменко // Мови, культури та переклад у контексті європейського співробітництва: Зб. наукових праць. – КДУ. – 2001. – С. 314–318.
6. Олдінгтон Р. Смерть героя / Р. Олдінгтон // Переклад Ю. Лісняка. – К. : Дніпро. –1988. – 341 с.
7. Павленко О. Конгеніальний переклад: межі адекватності / О. Павленко // Актуальні проблеми науки та освіти : збірник матеріалів X підсумкової науково-практичної конференції викладачів. – Маріуполь, 2008. – С. 297–299.
8. Павленко О. «Розмикання меж...» (Авторські концепції перекладацтва другої половини XX століття: компаративний аспект) : [монографія] / О. Павленко. – К. : Логос. – 2015. – 444 с.
9. Топер П. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. Топер. – М. : Наследие. – 2000. –253 с.
10. Фелицина В. Русские фразеологизмы : [лингвострановедческий словарь] / В. Фелицина, В. Мокиенко. – М. : Русский язык. – 1990. –220 с.
11. Aldington R. Death of a hero / R. Aldington. // Moscow: Foreign language publishing house. –1958. – 443 p.
12. Galsworthy J. The Man of Property / J. Galsworthy // М. : Менеджер. – 2002. – 384 с.
13. Kazurowsky I. Because Deserters are Immortal // Переклад Ю. Ткач. – Bayda Books. – 1979. – 144 p.